

В. И. Петрушко*

Греко-католическая Церковь и Советское государство в 1944–1945 годах

Власти СССР далеко не сразу заняли в отношении униатской Церкви однозначно враждебную позицию. После вступления Красной армии на территорию Западной Украины в июле–августе 1944 г. в отношении греко-католической Церкви вплоть до начала 1945 г. репрессивных мер почти не предпринималось. Имели место лишь случаи ареста отдельных священников по обвинению в сотрудничестве с германскими оккупантами и националистами-бандеровцами¹.

Во главе греко-католической Церкви в 1900–1944 гг. стоял митрополит Андрей Шептицкий², авторитет и популярность которого среди населения Галиции были очень велики. Шептицкий зарекомендовал себя на протяжении всей 1-й половины XX в. как один из самых влиятельных галицких политиков. В справке Наркомата госбезопасности Украинской ССР о митрополите Шептицком говорится: «Влияние митрополита Шептицкого и авторитет среди верующих и духовенства униатской Церкви в Западной Украине огромны. Без преувеличения можно сказать, что такого безапелляционного авторитета и влияния не имеет ни один глава церковного течения в СССР»³.

Шептицкий, который всегда был весьма прагматичным политиком⁴, демонстрировал очевидное стремление дистанцироваться от германских оккупантов и наладить сотрудничество с советским режимом. В докладной записке начальника управления Наркомата госбезопасности УССР по Львовской области К. Волошенко наркому госбезопасности УССР С. Савченко отмечалось, что после 1942 г. отношение Шептицкого к германскому оккупационному режиму, прежде бывшее дружественным, стало негативным. В записке приводится оценка, которую Шептицкий давал действиям гитлеровской Германии:

* © Петрушко В. И., 2007

Владислав Игоревич Петрушко, кандидат исторических наук, доктор церковной истории, шеф-редактор интернет-сайта «Седмица.ru», доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

«Еще в августе 1943 г. можно было уже совершенно ясно предвидеть поражение немецких войск и приход во Львов советской армии. Немцы проиграли войну в результате своей идиотской внутренней, особенно национальной политики»⁵. Волошенко охарактеризовал настроение Шептицкого накануне вступления советских войск в Галицию следующим образом: «Герmanoфил Шептицкий испытал глубокое разочарование в немцах»⁶. В записке также приводятся слова профессора Свенцицкого, одного из наиболее близких к Шептицкому лиц: «Немецкая оккупация вылечила митрополита от герmanoфильства»⁷. В записке Волошенко отмечается, что в конце периода немецкой оккупации митрополит Андрей запретил униатскому духовенству ранее предписанное им самим молитвенное поминовение за богослужением Гитлера и германского воинства. В начале 1944 г. Шептицкий опубликовал распоряжение, в котором призвал священников греко-католической Церкви не покидать своих приходов и не уходить вместе с германскими войсками с территории Западной Украины⁸.

Волошенко отмечал, что митрополит Андрей уже к лету 1944 г. вполне четко обозначил свою лояльность по отношению к советскому режиму. В докладной записке сообщается: «29 июля 1944 г. митрополиту исполнилось 79 лет, по этому поводу у него был большой прием духовенства. Митрополит, по его собственным словам, высказал в своем выступлении такой крайний оптимизм, что удивил духовенство: “Все в руках Бога, — сказал митрополит, — и все окончится, вне сомнения, очень хорошо”. Зашел разговор о религии. Митрополит глубоко убежден, что советская власть изменила свое прежнее “враждебное”, по его словам, отношение к религии, к духовенству, к верующим. “Восстанавливаются духовные семинарии, восстанавливается богословская академия во Львове. Военные приветствуют на улицах священников. Это ли не доказательство уважения советской власти религии”... Аналогичные заявления Шептицкого были неоднократно сделаны и на епархиальных соборах духовенства, которые созываются им каждого четверга. Однако в поведении его чувствуется неопределенность и нерешительность»⁹. «Шептицкий подчеркнул, что “он и его духовенство желают хороших отношений с сов[етской] властью: всякая власть от Бога. Необходимо стремиться к взаимопониманию с правительством. Особенно следует учитывать, что сов[етское] правительство в действительности допускает развитие религии”»¹⁰, — отметил Волошенко.

В другой докладной записке, составленной и. о. уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров УССР С. Т. Даниленко (Кариным) отмечалось, что в беседе с ним Шептицкий говорил: «Я искренне рад, что советская власть освободила нас от этих немцев, и об этой радости и об обязанностях, вытекающих из нее, говорил и говорю верующим и духовенству. Не далее как сегодня у меня состоялся собор местного духовенства и некоторых приезжих. Такие соборы у меня бывают каждый четверг. Так вот я поучал их, как нужно быть благодарным и покорным советской власти, ниспосланной нам Богом, и духовенство с искренностью воспринимало и воспринимает мои поучения»¹¹.

В выступлении митрополита Андрея Шептицкого на праздничной сессии Собора униатского духовенства 7 сентября 1944 г. также много и ярко говорилось о том, что в религиозной политике советского правительства в период войны по сравнению с 1939–1941 гг. произошли большие перемены и большевики прекратили гонения на Церковь. Более того, Шептицкий, ранее подвергавший осуждению идеи большевиков, неожиданно провозгласил с соборной кафедры: «Коммунизм своим широким размахом и тенденциями к всемирной организации может выработать хотя бы некоторых людей, способных понимать необходимость заменить тесные основы Церкви, охватывающие один народ или одно государство, на всемирные вселенские основы любви к ближнему, опирающейся на Церковь вселенской организации»¹². Как видно, Шептицкий проводил параллель между интернационализмом коммунистической идеологии и универсальным характером католической Церкви и надеялся, что это послужит основой для сотрудничества между советским режимом и западноукраинскими униатами.

«Митрополит заявляет, что не выступал и не будет выступать против политических тезисов коммунизма»¹³, — отмечалось в аналитической записке управления Наркомата госбезопасности по Львовской области. Заявления униатского митрополита, с которыми он выступил на Соборе 7 сентября, позволили чекистам сделать восторженный вывод: «Речь митрополита Шептицкого — это историческое событие, значение ее можно сравнить с выступлением Московского Патриарха Тихона, который первый начал переговоры с советским правительством»¹⁴.

В оперативном сообщении 5-го отдела 2-го управления Наркомата госбезопасности УССР о перемене в отношении Шептицкого к большевизму сообщается: «Будучи по натуре человеком импульсивным и страстным, митрополит Шептицкий с экзальтацией, свойственной старческому возрасту, увлекся большевиками, увлекся настолько, что мы, говорил Костельник¹⁵, вынуждены принять меры к тому, чтобы сдерживать его от излишне ярких проявлений своего чувства. Вы бы видели, как митрополит Андрей выступал перед собором духовенства, который у него до болезни собирался каждый четверг, — речь страстная, глаза от увлечения собственными словами блестят, ну настоящий большевик!»¹⁶.

Чтобы максимально убедительно продемонстрировать свою лояльность к советской власти, митрополит Андрей Шептицкий подготовил послание на имя И. В. Сталина. Помимо митрополита послание подписал его викарий епископ Никита Будка. Текст послания датирован 10 октября 1944 г. Доставить письмо Сталину должна была делегация священнослужителей униатской Церкви, которую Шептицкий планировал направить в Москву. В послании глава галицких греко-католиков именовал советского лидера «верховным вождем» и «правителем СССР, главнокомандующим и великим маршалом непобедимой Красной армии». По поводу вступления советских войск на территорию Западной Украины Шептицкий писал: «Эти светлые события и терпимость, с которой Вы относитесь к нашей Церкви, вызвали и в нашей Церкви надежду, что она, как и весь народ, найдет в СССР под

Вашим водительством полную свободу работы и развития в благополучии и счастье»¹⁷.

Шептицкий, ранее тесно связанный с украинскими националистическими организациями, после прихода советских войск стал выступать с осуждением бандеровского движения. В справке Наркомата госбезопасности Украинской ССР отмечалось, что в частной беседе глава униатской Церкви говорил: «Сейчас я убежден, что решается судьба всех славянских народов, поэтому они должны встать на борьбу с расовым германизмом. Действия УПА¹⁸ и бандеровцев я осуждаю, мельниковцев¹⁹ и людей, состоящих в дивизии “СС-Галиция”, оправдываю. Намерения их были хорошие, но немцы подвели, и сейчас нужно отказаться от какой бы то ни было ориентации на немцев... Сейчас, при сложившейся международной обстановке, единственный выбор, видимо, идти с советской властью, о чем я хочу дать указание всем священникам западных областей Украины — придерживаться этой ориентации и объявить об этом в проповедях на богослужениях в церквях»²⁰.

В докладной записке К. Волошенко также отмечалось, что митрополит «два года ведет борьбу с УПА и в своих посланиях резко осуждал ее». Глава униатской Церкви намеревался продолжать такую деятельность и «обещал посоветоваться об этом с духовенством»²¹. В речи на сессии собора униатского духовенства 7 сентября 1944 г. митрополит Шептицкий подверг прямому и недвусмысленному осуждению деятельность УПА. «Крепко выступил против несоответствующих выступлений “молодчиков” из УПА и остро осудил самосуды и убийства»²², — отмечали в управлении Наркомата госбезопасности по Львовской области. Глава униатской Церкви решительно отмежевался от УПА и других партизанских формирований украинских националистов, ведущих активную вооруженную борьбу против советского режима²³.

Даниленко указывал, что в беседе с Шептицким «заметил ему, что среди духовенства греко-католической Церкви есть элементы, которые под церковным прикрытием проводят борьбу с советской властью в лагере украинских националистов и, в частности, помогают бандеровским бандам». На это митрополит ответил: «Судите сами таких людей, и я их осужу, ибо бандеровщина — это вредное явление, с которым нужно бороться. Хотите, я пошлю своих священников в леса, чтобы они уговорили этих слепых людей прекратить борьбу с советской властью и возвратиться к мирному труду. Не подумайте, что я хочу стать орденосцем, но сделаю это потому, что считаю бандеровщину большим злом для народа»²⁴. В ходе беседы с Даниленко Шептицкий также сказал: «К священникам, которые бежали с оккупантами, я отношусь так, как военные начальники относятся к тем солдатам, которые покидают свой пост. Я издал распоряжение, запрещавшее священникам покидать свои приходы и бежать с немцами. Некоторые священники нарушили мой приказ, но я их исключил из своей иерархии как нарушителей, и они теперь не являются моими священниками. Своего отношения к ним я не изменю, если бы они и возвратились обратно»²⁵. Незадолго до кончины митрополит Андрей подготовил проект специального об-

ращения к УПА с призывом прекратить борьбу против советского режима, однако из-за смерти Шептицкого это послание так и осталось неопубликованным²⁶.

В то же время в органах госбезопасности политическую линию Шептицкого, обозначенную им после прихода советских войск в Галицию, отнюдь не отождествляли с позицией всей греко-католической Церкви. Отсутствие каких-либо официальных просоветских заявлений, принятых соборно высшим униатским духовенством, заставляло чекистов думать, что прямо и недвусмысленно декларированная Шептицким лояльность к советскому режиму не находит отклика среди большинства представителей высшего клира униатской Церкви. Постепенно в органах госбезопасности накапливалось все больше материалов, свидетельствовавших о сотрудничестве значительной части греко-католического духовенства как с германскими оккупантами, так и с вооруженными формированиями украинских националистов. Лишь в отношении брата митрополита игумена Климентия Шептицкого²⁷ сотрудники госбезопасности получили сведения о том, что он активно поддерживает просоветские настроения главы униатской Церкви²⁸.

Показательно, что курировавший отношения с униатской Церковью во Львове подполковник госбезопасности С. Даниленко объяснял свое отсутствие на похоронах Андрея Шептицкого следующим образом: «Греко-католическая Церковь никак еще не выявила своего отношения к советской власти, и именно поэтому советское правительство Украины не сочло возможным послать своего официального представителя для участия в похоронах митрополита Андрея. Иное дело, что сам покойный митрополит Андрей выявил свое отношение к советской власти своими заявлениями мне лично, своими речами на соборе духовенства, а также тем, что он подготовил ряд патриотических мероприятий, как например посылку делегации в Москву и Киев, сбор средств в пользу Красной армии, обращение к духовенству о борьбе с бандеровским злом. Смерть, а до смерти, может быть, и что-то другое помешали ему все это осуществить»²⁹.

Обозначенная Шептицким политическая позиция давала основание советским властям видеть в нем весьма желательного и вполне надежного партнера в деле установления нового режима в освобожденной от немецких оккупантов Галиции. Очевидно, что Шептицкого хотели использовать для оказания на население Западной Украины влияния в направлении достижения лояльности галичан к советскому режиму. Это доказывают выводы, сделанные С. Даниленко после беседы с униатским митрополитом:

«1. Намеренно подчеркнутое радушие и любезность Шептицкого, оказанные им при приеме представителя советской власти, а также изъявление им своих просоветских настроений следует рассматривать не только как “знамение времени”, но и как безусловный перелом, который вольно или невольно произошел в Шептицком в результате разочарования его в немцах, с одной стороны, и с другой — благодаря могуществу советской власти и Красной армии, разгромившей оккупантов. Этому также способствовала наша тактика в области церковной политики.

2. Шептицкий трезво оценивает политическое положение СССР и не надеется на какую-либо призрачную международную комбинацию в результате войны, при которой он мог бы очутиться вне советской территории. Он убежден в банкротстве украинских националистов, и для него понятна вся бесперспективность их борьбы с советской властью. Все это, вместе взятое, заставляет Шептицкого, не порывая моральной связи с украинскими националистами мельниковского типа, демонстрировать перед ними свои просоветские настроения и искать контакта, вплоть даже до того, чтобы в удобной для себя форме приобщиться к борьбе с бандеровским движением, к которому он относится, безусловно, отрицательно.

3. В областях Западной Украины, где религиозность населения остается чрезвычайно повышенной и где господство униатов при наличии подавляющего большинства униатских приходов является главенствующим, авторитет митрополита Шептицкого продолжает быть незыблемым.

Исходя из всех этих обстоятельств нам следует изыскать форму, в которой можно было бы использовать Шептицкого для укрепления нашего влияния в широких массах населения Западной Украины, а также для борьбы с бандеровским движением»³⁰. Показательно, что свою докладную записку Даниленко закончил словами: «Нашу тактику в довоенный период, исключавшую личный контакт с Шептицким, я считаю ошибочной»³¹.

В беседе со священником Иваном Котивым и иеромонахом Германом Будзинским Даниленко заметил им: «Берегите своего митрополита, потому что из своей с ним беседы я вижу, что он единственный пока среди вас реальный человек, который заявил о своем искреннем отношении к народной советской власти, и этим будет способствовать нормальному отношению ее к греко-католической Церкви»³². Выводы Даниленко легли в основу письма, направленного наркомом госбезопасности УССР С. Савченко в Наркомат госбезопасности СССР в Москву: «Шептицкий стал проявлять просоветские тенденции и, несомненно, склонен искать контакта с советской властью, вплоть до участия в борьбе с бандеровским движением»³³. «Мы считаем своевременным и целесообразным ставить вопрос о подчинении нашему влиянию митрополита Шептицкого, а через него и униатского духовенства»³⁴, — подчеркивал Савченко.

В качестве ближайших мероприятий нарком предлагал московскому руководству следующее: «1. Побудить Шептицкого написать воззвание к участникам УПА, в котором бы содержался призыв к бандитам воспользоваться обращением правительства УССР прекратить борьбу и возвратиться к мирному труду. 2. В целях борьбы с украинскими националистами и дальнейшего их разложения побудить Шептицкого, а через него и духовенство униатской Церкви к активной религиозно-патриотической деятельности в таком направлении через послания, проповеди в церквах, специальные статьи в “Архиепархиальных ведомостях” и т. д. 3. Наряду с религиозно-патриотической деятельностью, направленной на разложение и борьбу с украинскими националистами, побудить через Шептицкого духовенство униатской Церкви к сбору материальных средств среди верующих на нужды Красной армии»³⁵.

Следует отметить, что в Наркомате госбезопасности, вероятно, не все верили в то, что Шептицкий действительно изменил свое отношение к советской власти и стремится к сотрудничеству с ней. По-видимому, опасениями насчет возможной неискренности позиции Шептицкого по отношению к советской власти следует объяснить намерение собрать сведения о прежней антисоветской деятельности униатского митрополита, чтобы иметь материал, с помощью которого можно было бы оказывать на него давление. Нарком госбезопасности Украины Савченко 18 октября издал директиву по проведению агентурной работы в отношении Шептицкого и униатской Церкви, в которой предлагал следующие меры: «Разработка митрополита Андрея Шептицкого и его окружения должна быть направлена главным образом по линии вскрытия их подпольной противосоветской деятельности, связей и каналов ее с границей, в частности, с Ватиканом, иностранными разведками и украинскими националистами, а также выявления униатской и католической агентуры Ватикана и иностранных разведывательных органов на территории СССР»³⁶.

Тем не менее в Москве считали, что Шептицкого следует активно использовать для укрепления советского режима на Западной Украине. В шифрованной телеграмме наркома госбезопасности СССР В. Меркулова на имя наркома госбезопасности УССР С. Савченко отмечается: «Учитывая большой авторитет митрополита Шептицкого, надо, безусловно, использовать его в нужном нам направлении, и, видимо, это можно сделать независимо от того, насколько Шептицкий искренен в своих заявлениях»³⁷.

Таким образом, при жизни Шептицкого советский режим не собирался предпринимать каких-либо жестких репрессивных мер против униатской Церкви в целом, и вопрос о ее ликвидации не ставился. В разработанной НКГБ УССР инструкции о проведении встречи с греко-католическим митрополитом говорится: «Сказать Шептицкому, что советская власть будет относиться к униатской Церкви и ее священнослужителям исходя из наличия лояльности с их стороны и преданности Родине, как граждан ее, т. е. “какой мерой Вы будете мерить, такой же мерой и Вам будет отмеряно”»³⁸. Инструкция предписывала уведомить униатского митрополита: «Враги родины будут караться, лояльным людям будет предоставлена полная свобода удовлетворения своих религиозных потребностей, как это предусматривается Конституцией СССР»³⁹. В то же время в инструкции подчеркивалось, что данное уведомление Шептицкого «следует сделать в корректной форме, безотносительно его личности и без всякого намека на какие бы то ни было угрозы с нашей стороны, подчеркнув при этом, что под врагами мы понимаем тех злонамеренных людей, которые, прикрываясь церковным положением, будут проводить вредную противогосударственную работу»⁴⁰.

Однако планам использовать Шептицкого в целях укрепления советского режима на Западной Украине не суждено было сбыться: 1 ноября 1944 г. митрополит Андрей скончался. В Наркомат госбезопасности Украины поступила информация о том, что «митрополит Андрей Шептицкий был отравлен за свои просоветские настроения и за инициативу воссоединения

греко-католической Церкви с православной»⁴¹. Но прямых доказательств этого не обнаружено.

После кончины Шептицкого представители советских властей оказались в значительном затруднении: необходимо было определиться, на кого из представителей высшего униатского духовенства можно сделать ставку, чтобы использовать для сотрудничества с новым режимом. Сменивший Шептицкого на митрополичьем престоле Иосиф Слепый⁴², похоже, не представлялся органам госбезопасности надежным партнером в деле укрепления советского влияния на Западной Украине. Так, в агентурной справке 2-го управления НКГБ УССР, составленной еще при жизни Шептицкого, 23 октября 1944 г., Слипому дается не самая лестная характеристика: «Епископ Слепой по своей натуре гордый и самоуверенный человек, прекрасно умеет обходиться с людьми, занимательный собеседник, большой эгоист, но в своих личных целях может пойти на собственное унижение, карьерист»⁴³. С. Даниленко отмечал, что «митрополит Иосиф Слепой не только не имеет такого всеобъемлющего авторитета, какой имел митрополит Андрей, но к тому же человек он нерешительный, склонный поддаваться чужому влиянию»⁴⁴.

Политические ориентиры Слипого не внушали доверия в Наркомате госбезопасности. «В отношении политических событий 1939–1940 гг. Слепой высказывался как германofil, считает, что советская власть долго существовать не будет»⁴⁵, — отмечается в справке. Здесь же говорится о том, что между Шептицким и Слипым не было глубокой духовной близости: «К Шептицкому Слепой очень близок, посещает его почти каждый день, но близость эта чисто внешняя, без личной привязанности»⁴⁶. Данные обстоятельства для органов безопасности уже могли служить основанием для сомнений в том, что Слипый, став митрополитом, продолжит курс Шептицкого⁴⁷.

От внимания сотрудников госбезопасности не укрылось, что митрополит Иосиф Слипый «не пользуется пока достаточным авторитетом среди епископата и духовенства, в связи с чем в греко-католической Церкви началась скрытая борьба за влияние»⁴⁸. Священник Иван Котив, секретарь митрополита Шептицкого, отмечал, что любое обращение к верующим брата покойного главы греко-католической Церкви Климента Шептицкого «будет иметь несравненно большее значение, чем обращение самого митрополита Слипого»⁴⁹.

В управлении Наркомата госбезопасности УССР по Львовской области была собрана информация об откликах на вступление Слипого на пост главы униатской Церкви, которая подтверждала, что новый митрополит не пользуется авторитетом не только у интеллигенции Западной Украины, но и среди униатского клира. В частности, академик Василий Щурат заявлял, что «кандидатура Слепого — малоподходящая, что “Слепой для звания митрополита недостаточно умный человек”»⁵⁰. Профессор-историк Иван Крипьякевич, согласно агентурным сведениям, утверждал: «Шептицкий своим авторитетом влиял, и греко-католическая религия была довольно крепкой. Теперь она пошатнется, потому что Слепой не пользуется любовью у духовенства»⁵¹. Артист Украинской хоровой капеллы «Трембита» Кушлик отозвался о митро-

полите Слипом еще более резко: «Он никогда не будет пользоваться таким авторитетом и любовью, как Шептицкий, так как в отношении к людям очень груб, жесток и при этом очень заносчивый»⁵². Даже Климент Шептицкий отмечал, что его брат, митрополит Андрей, незадолго до своей кончины сказал о Слипом: «Кандидатура Иосифа в такое время, как сейчас, для Церкви недостаточна»⁵³. А игумен базилианского монастыря во Львове Виталий Градюк заявил, что оппозиционные силы в униатской Церкви выступили бы против Слипого, если бы он «был кандидатом только митрополита Шептицкого», но, поскольку он утвержден на митрополии решением папы Римского, «никто из духовенства не решится выступить против него»⁵⁴.

Между тем еще при жизни митрополита Андрея обозначился соперник Иосифа Слипого, претендующий, несмотря на отсутствие архиерейского сана, на роль неформального лидера в церковной жизни Галиции, священник Гавриил Костельник. «Слепой в натянутых отношениях с ученым священником Костельником, оба друг друга ненавидят из-за борьбы за близость к Шептицкому и влияния на него, но прикрывают это спорами на философско-богословские темы»⁵⁵, — указывается в справке 2-го управления НКГБ УССР.

После кончины Шептицкого отношения между Слипом и Костельником еще более обострились. Несмотря на наличие утвержденных Ватиканом документов, однозначно определяющих, что архиепископ Иосиф Слипый после кончины митрополита Андрея Шептицкого должен стать его преемником на посту главы униатской Церкви, вероятно, среди части греко-католического духовенства по этому вопросу имелось иное мнение. В частности, оперативное сообщение 5-го отдела 2-го управления НКГБ УССР отмечает: «Болезнь митрополита Шептицкого и возможность его смерти вызвали среди его окружения разговоры о том, кто его должен заменить. Казалось бы, что преемником митрополита Шептицкого будет его заместитель архиепископ Слепой, а между тем подавляющее большинство духовенства преемником митрополита Шептицкого хочет видеть Костельника»⁵⁶.

Отношение к Костельнику со стороны органов госбезопасности первоначально было не менее (а быть может и более) настороженным, чем к Слипому. Причиной этого прежде всего являлись тесные связи о. Гавриила с украинскими националистическими организациями. Так, например, в записке заместителя наркома госбезопасности Украинской ССР П. Дроздецкого начальнику 2-го управления НКГБ СССР П. Федотову сообщалось: «Костельник — активный националист-сепаратист, член ОУН, антисоветски настроенный человек. В 1940 г. категорически отказался от вербовки. Сын в 1940 г. арестован за антисоветскую националистическую деятельность⁵⁷, два сына в период оккупации добровольно ушли в галицкую дивизию СС. В период оккупации через церковь и прессу проводил активную антисоветскую националистическую деятельность»⁵⁸.

Подполковник госбезопасности С. Даниленко в беседе со священником Иваном Котивым и иеромонахом Германом Будзинским в ответ на сообщение последних о включении Костельника в состав униатской делегации, направляемой в Москву, выражал недоумение по этому поводу. «Это какой

Костельник — не тот ли, что во время немецкой оккупации выступал и писал в профашистской украинско-националистической прессе антисоветские статьи?»⁵⁹ — таким вопросом встретил Даниленко известие о предполагаемом участии Костельника в поездке в столицу СССР.

Подобная характеристика Костельника дополнялась агентурной информацией, из которой следовало, что и после вступления советской армии в пределы Западной Украины о. Гавриил занимал позицию, весьма далекую от лояльности к новому режиму. В оперативном сообщении 5-го отдела 2-го управления НКГБ УССР отмечалось, что Костельник пытался воспрепятствовать проявлению просоветских настроений Шептицкого: «Сдерживая митрополита от чрезмерных просоветских излияний, мы воспользовались его болезнью и поездку делегации в Москву оттягивали»⁶⁰. В этом же документе сообщается, что сбор средств на нужды раненых красноармейцев Костельник объяснял тем, что «это больше наша христианская обязанность, чем изъявление просоветских настроений»⁶¹.

Ко времени смерти Шептицкого Костельник был убежден в том, что «представителям униатской Церкви глубоко ангажироваться с советским правительством сейчас не следовало бы, и он сам не верит в то, что большевики останутся надолго». Он считал, что «немцы будут разбиты, но и большевиков не будет»⁶². По мнению Костельника, крушение нацистского и советского режимов должно было в равной мере стать следствием революционных событий в Германии и СССР. «Если большевики сами не изменят свою политику, они не смогут долго просуществовать. Социализм сейчас в Европе немодный, и, чем дальше большевики будут идти на запад, тем они будут становиться слабее»⁶³. В докладной записке, направленной наркомом госбезопасности УССР С. Савченко своему руководству в Москву, о. Гавриил Костельник даже назван тайным главой антисоветской группировки среди высшего духовенства греко-католической Церкви⁶⁴.

Таким образом, убеждения о. Гавриила Костельника в конце 1944 г. не давали представителям советской власти оснований видеть в нем потенциального партнера, с помощью которого можно было надеяться на укрепление советского режима на Западной Украине. Радикальные перемены во взглядах Костельника и, соответственно, в отношении к нему со стороны советских властных структур произошли в ходе визита делегации духовенства униатской Церкви в Киев и Москву в декабре 1944 г.

Как уже отмечалось, визит униатских священнослужителей в Москву и Киев планировал митрополит Шептицкий, но из-за кончины главы униатской Церкви поездка, которая должна была состояться в октябре 1944 г., была отложена на 2 месяца. Согласно информации Управления НКГБ УССР по Львовской области, первоначально Андрей Шептицкий планировал, что в состав делегации войдут архиепископ Иосиф Слипый, коадьютор митрополита; священник Гавриил Костельник, настоятель Преображенского храма во Львове и член митрополичьего капитула, и священник Иван Котив, личный секретарь митрополита Шептицкого. Однако ставший после кончины Андрея Шептицкого митрополитом Иосиф Слипый от поездки отказался,

после чего в состав делегации были включены возведенный Слипым в сан архимандрита Климентий Шептицкий и иеромонах Ордена студитов Герман (Григорий) Будзинский. Климентий Шептицкий на правах брата митрополита Андрея, согласно его предсмертной просьбе, собирался передать послание скончавшегося к тому времени главы униатской Церкви Сталину⁶⁵. Униатская делегация также везла в Москву послание митрополита Иосифа Слипого и собранные униатами 100 тыс. рублей для помощи раненым на фронтах Великой Отечественной войны⁶⁶.

Иосиф Слипый так объяснял мотивы своего отказа от поездки в Москву: «Я теперь, при нынешних обстоятельствах, ехать в Москву с делегацией не могу. Меня могут арестовать, но это еще полбеды, может случиться катастрофа с аэропланом, могут напасть на поезд партизаны или может приключиться иное несчастье в пути»⁶⁷. Такое объяснение не выглядело в глазах советских властей убедительным: арестовать Слипого при желании могли и во Львове, что в конечном счете и произошло. Страх христианского священнослужителя перед гибелью в результате несчастного случая и вовсе кажется надуманным. Не удивительно, что причины отказа от поездки в Москву, указанные Слипым, не казались правдоподобными даже внутри униатской Церкви. Так, например, Климентий Шептицкий по поводу отказа Слипого ехать в Москву говорил: «Иосиф объясняет это тем, что он теперь митрополит, а просто он боится, так как опасается, что не сможет ответить на поставленные ему в Москве вопросы»⁶⁸. Отказ Слипого от визита был расценен советскими властями как очевидное проявление нелояльности к новому режиму.

Согласно оперативной информации, поступившей в управление НКГБ УССР по Львовской области, члены делегации должны были обсудить с представителями власти в Москве следующие вопросы: «1. О епархиях униатской Церкви и о кандидатурах епископов. 2. О церковном имуществе. 3. Об освобождении от призыва в Красную армию униатского духовенства. 4. О богословской академии во Львове. 5. О духовных семинариях и о церковноприходских школах. 6. Издание духовной литературы, религиозной пропаганды и др[угие] вопросы религиозно-канонического характера»⁶⁹. Кроме того, в управлении НКГБ со ссылкой на Иосифа Слипого отмечали, что «делегация имеет своей задачей ознакомиться со всеми новейшими советскими законодательствами о Церквях, а также с установками в области взаимоотношения государства и Церкви»⁷⁰.

Судя по намерениям униатских представителей, они были весьма далеки от мысли, что советский режим допустит ликвидацию греко-католической Церкви на территории СССР. Униаты собирались обсуждать лишь частные вопросы существования своей Церкви в новых условиях. Греко-католическим священнослужителям недоставало реализма в понимании ситуации, сложившейся после вступления советских войск в пределы Западной Украины. Было очевидно, что в Москве речь будет идти не столько о церковных делах, сколько о таких сложных политических вопросах, как связи греко-католического священноначалия с Ватиканом и антисоветски настроенным папой Пием XII, взаимоотношения униатского духовенства

с германскими оккупационными властями и украинскими националистическими организациями, ведущими вооруженную борьбу с советским режимом. По приезду в Москву все эти острые темы застали посланцев греко-католической Церкви врасплох.

Далеко не все члены униатской делегации были готовы обсуждать с представителями властей политические вопросы. В подготовленном в Наркомате госбезопасности СССР отчете о пребывании представителей греко-католической Церкви в Москве сообщается о полемике, возникшей по этому поводу между о. Гавриилом Костельником и архимандритом Климентием Шептицким. В отчете отмечается: «Архимандрит считает, что делегация не должна затрагивать политических вопросов, так как это даст козырь в руки большевиков и покажет, что Церковь вмешивается в дела государства. Костельник возразил против этого и настаивал на том, чтобы делегация кроме церковных выставила целый ряд политических требований даже в том случае, если бы что-либо угрожало. При этом Костельник подчеркнул, что они являются представителями народа и должны выступать от имени народа. Что же касается церковных дел, то большевиков они меньше всего интересуют»⁷¹.

В Москве униатские представители были дважды приняты председателем Совета по делам религиозных культов И. В. Полянским, с которым они решали вопросы, связанные с деятельностью греко-католической Церкви в новых условиях. Кроме того, в Наркомате внутренних дел состоялась встреча униатских священнослужителей с генералами Федотовым, Леонтьевым и Судоплатовым, в ходе которой о. Гавриил Костельник весьма объективно обрисовал политическую ситуацию, сложившуюся на Западной Украине после прихода советских войск. Священнослужитель не побоялся заявить генералам о том, что галичане в большинстве своем встретили приход советской власти без энтузиазма, и объяснил причины такого отношения, увязав с этим вопросом размах бандеровского движения в крае. Осудив действия бандитских формирований националистов, Костельник также дал ряд конкретных рекомендаций относительно нейтрализации деятельности боевиков ОУН и нормализации положения на Западной Украине. Генералам было обещано, что униатские священнослужители сделают все возможное для того, чтобы установить связь с лидерами бандеровского движения и побудить их к переговорам с советскими властями⁷².

Высказывания о. Гавриила Костельника не оставляли сомнений в его дружественной позиции в отношении советского режима, основанной на трезвой и реалистической оценке политической ситуации. Поездка в Киев и Москву убедила Костельника в могуществе советской системы и бесполезности сопротивления ей. Перемена, происшедшая во взглядах священника на советскую власть, выглядела особенно разительной на фоне еще недавно высказываемых им антисоветских убеждений. Сотрудниками органов госбезопасности было зафиксировано следующее заявление отца Гавриила, сделанное им в частной беседе в ходе поездки: «Я думаю над самостоятельностью Украины. С одной стороны, москали — это такие фанатики, которые никогда не отдадут Украину, а с другой — поляки вечно кричат: “от можа до можа”».

Я сторонник того, что “лучше русское море, чем польское болото”. Я теперь решил твердо это проводить. Приеду во Львов и при встречах с людьми буду им говорить, что самый устойчивый сейчас строй — большевистский. Я скажу бандеровцам, что нельзя же обманывать народ. Венгрия, Балканы, Польша большевизируются, разве это не ясно? Зачем же обманывать народ и уничтожать его. Я сам до этого верил в бандеровскую пропаганду, а теперь я убедился, что был не прав»⁷³. В ходе встречи униатских представителей с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Алексием (Симанским) о. Гавриил Костельник, имевший блестящее богословское и философское образование, также играл наиболее заметную роль⁷⁴.

В оперативном сообщении 4-го управления НКГБ СССР о пребывании униатской делегации в Москве содержится важное сообщение о том, что в беседе с Котивым Костельник отмечал: «Мне кажется, что пора нам с папой порывать, нечего нам с ним возиться. Архимандрит и Будзинский не согласны со мной. Они — ярые католики и преданы Риму, а вот Вы... еще молодой, учитеесь. Наш народ ближе к Востоку. Я по этим вопросам беседовал с покойным митрополитом, за это меня называют “восточником” и Рим бил»⁷⁵. Подобные убеждения отнюдь не были реакцией о. Гавриила на изменения в политической конъюнктуре: еще задолго до Второй мировой войны он призывал галицких униатов вернуться к своим православным истокам⁷⁶. Скорее можно говорить о том, что в новых условиях, создавшихся в униатской Церкви после установления в Галиции советского режима, Костельник наконец-то увидел возможность воплотить свои убеждения в жизнь.

Таким образом, несмотря на то что главой делегации греко-католиков являлся архимандрит Климентий Шептицкий, активность о. Гавриила Костельника в ходе переговоров в Москве, значительно превосходившая активность других униатских священнослужителей, ставила его в положение неформального лидера делегации. По итогам визита в Москву в советских властных структурах в нем увидели широко образованного, энергичного и, главное, готового к сотрудничеству с новой властью церковного деятеля.

Греко-католический епископат во главе с митрополитом Слипым, напротив, к началу 1945 г. давал все больше поводов для сомнения в своей лояльности. Еще в ноябре 1944 г. Слипого посетили члены Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию нацистских преступлений, которые предложили униатскому митрополиту поставить свою подпись под заключением о зверствах гитлеровцев во Львове, однако Первоиерарх греко-католиков в вежливой форме отказался сделать это⁷⁷. В то самое время, когда Костельник обсуждал с советскими деятелями проблему прекращения деятельности националистических партизан на Западной Украине, Слипого больше волновали другие проблемы. На встрече с Даниленко он заявил: «Самый главный вопрос, разрешение которого не может удовлетворить меня, — это вопрос о печати для митрополита»⁷⁸. Иосиф Слипый был недоволен распоряжением властей об изъятии из его официальной титулатуры упоминания города Каменец-Подольского⁷⁹. Более того, демонстрируя отсутствие реализма, он претендовал на включение в титул главы униатской Церкви

наименования «митрополита Киевского». Разумеется, это тоже не встретило понимания во властных структурах Советской Украины. Рассуждения Слипого о том, что воссоединение православных и униатов возможно «только и только под главенством папы Римского», как и следовало ожидать, также не нашли отклика у советских властей. На заявление Даниленко, что условием воссоединения может быть «возвращение к тому периоду положения Церкви, какое было до 1596 года, т. е. до заключения Брестской унии», Слипый ответил категорическим отказом: «Нет, объединение на такой базе никогда не состоится»⁸⁰.

Но самым серьезным из всего, что инкриминировали Слипому органы госбезопасности, было то, что к началу 1945 г. он и епископат греко-католической Церкви так и не предприняли никаких существенных мер по осуждению бандеровского движения. В беседе с Даниленко Слипый объяснял, что не может опубликовать воззвание против бандеровщины, поскольку не разрешены к печатанию «Архиепархиальные ведомости», где следовало бы разместить указанный документ. Напечатать воззвание отдельно, а не в составе печатного органа митрополичьей курии, по словам Слипого, «было бы неумно и нецелесообразно, потому что верующие и духовенство расценили бы этот факт как нажим советской власти»⁸¹. В ответ на вопрос Даниленко о том, почему до сих пор не был поставлен вопрос о напечатании «Архиепархиальных ведомостей», что было возможно сделать в любой советской типографии, митрополит сказал, что в униатской Церкви ожидали, что ей разрешат иметь собственную типографию и позволят в ней напечатать обращение против УПА. Разумеется, такое объяснение не казалось советским властям правдоподобным и вызывало серьезные подозрения в том, что иерархия униатской Церкви сознательно медлит с осуждением бандеровского движения. «Получается, что Вы фактически солидаризируетесь с бандеровским злом. Больше того, потворствуете этому злу, тем более что если принять во внимание десятки случаев активного пособничества служителей культа украинско-немецким националистам из ОУН и УПА, агентам немецкой разведки и гестапо»⁸², — резюмировал сложившуюся ситуацию Даниленко в беседе с униатским митрополитом. При этом подполковник госбезопасности рассказал главе униатской Церкви о нескольких наиболее вопиющих случаях активного содействия греко-католических священнослужителей партизанам из ОУН—УПА.

Не удовлетворял власти Советской Украины и ответ Слипого на вопрос о том, почему униатская Церковь к началу 1945 г. так и не выявила своего отношения к немецким оккупантам. Митрополит сказал по этому поводу: «Мы умалчивали о своем отношении к оккупантам по той причине, что боялись навлечь репрессии на наших представителей, т. е. на священников греко-католической Церкви и верующих, находящихся на территории, занятой немцами. Мы боялись, что после нашего выступления против оккупантов они применят репрессии к нашим людям». На эти слова последовала реплика Даниленко: «А Вы не бойтесь, что Ваше молчание в вопросе отношения к оккупантам мы вправе расценить как солидарность с ними и начать репрессии против представителей греко-католической Церкви, находящихся на нашей

территории?» «Мы не подумали над этим»⁸³, — ответил Слипый. «Выходит так, что, боясь репрессий немцев против представителей греко-католической Церкви, находящихся на их территории, Вы фактически солидаризовались если не с самими немцами, то с их пособниками, ибо какое духовенство очутилось на территории, занятой немцами? Все это священнослужители греко-католической Церкви, которые активно помогали немцам, — изменники, предатели, пособники. Так рассматривать их нужно с точки зрения и гражданской, и с точки зрения церковной. Ведь по церковным канонам как должны рассматриваться священники, сбежавшие из своих приходов? Они должны быть запрещены в священнослужении, лишены сана, если сбежали без разрешения епископов. А Вы не только не сделали этого, но еще боитесь, чтобы немцы их не арестовали из-за того, что Вы, сидя на советской территории, выявите свое отношение к тем злодеяниям, которые творились в период оккупации на Украине»⁸⁴.

Наибольшие нарекания со стороны органов госбезопасности вызывало фактическое самоустранение Слипого от участия в выполнении обязательств, взятых на себя униатской делегацией в Москве, где греко-католические клирики по инициативе Костельника обещали установить контакты с лидерами ОУН—УПА и побудить их к переговорам с советскими властями. В беседе с Даниленко Слипый заявил, что одобряет эту инициативу, но помочь в ее исполнении не может. Подполковник госбезопасности напомнил Слипому, что в период оккупации он входил в «Национальную раду» и «Раду сеньоров» — организации, претендовавшие на роль украинского правительства. В этом качестве Слипый вел переговоры о примирении двух соперничавших ветвей ОУН — бандеровцев и мельниковцев, о чем Даниленко также напомнил Слипому. Однако в ходе дальнейшей беседы митрополит, отвечая на вопросы подполковника, заявил, что не помнит фамилий тех, с кем он вел переговоры. В целом глава униатской Церкви стремился подчеркнуть свою аполитичность⁸⁵. Такая позиция митрополита (особенно на фоне имевшейся у органов госбезопасности информации о его политической активности в период оккупации и все чаще вскрывавшихся фактов участия значительного числа униатских священнослужителей в бандеровском движении) закономерно создавала впечатление сознательного нежелания Слипого участвовать в нормализации положения на Западной Украине и давала основания подозревать его в симпатии к деятельности националистических боевиков.

Политическая деятельность о. Гавриила Костельника с начала 1945 г. представляла собой разительный контраст с позицией митрополита Иосифа Слипого. 15 марта 1945 г. нарком госбезопасности УССР С. Савченко сообщал своему руководству в Москву, что священники Костельник и Котив установили связь с «Проводом» (т. е. руководящей структурой) ОУН—УПА. Униатские клирики предложили вождям националистических партизан войти в контакт с советскими властями и начать переговоры о прекращении вооруженной борьбы с большевистским режимом. Несмотря на отказ бандеровских вождаков от переговоров с представителями властей, Костельник обещал продолжить действовать в направлении достижения договоренности

с националистическим подпольем⁸⁶. Свою лояльность к советскому режиму, столь резко сменившую его бывшие антисоветские убеждения после поездки в Москву, Костельник выражал подчас в весьма экстравагантной форме. Так, например, знакомя подполковника Даниленко со своей супругой Элеонорой, о. Гавриил пошутил: «В Вашем лице она видит первый раз в жизни живого большевика, если не считать меня самого»⁸⁷.

Еще одним важнейшим моментом в убеждениях Костельника, который не мог не привлечь внимания советских властей, были его давно и ярко выражаемые симпатии к православию и стремление к разрыву с папским Римом, за которые он в прошлом понес взыскания от священноначалия греко-католической Церкви. Возможно, что и этот факт интерпретировался в невыгодном для Иосифа Слипого духе. О. Гавриил, являвшийся профессором Львовской Богословской академии, был уволен от преподавания за свои православные убеждения в то самое время, когда ректором этой униатской духовной школы был Слипый. При этом Костельник сохранил расположение к себе со стороны митрополита Андрея Шептицкого. Все это давало основания в большей степени видеть в о. Гаврииле, а не в Иосифе Слипом духовного преемника Шептицкого, проводя при этом параллель между просоветской позицией Костельника и почившего митрополита.

Таким образом, первоначально у властей СССР не было намерения упразднить униатскую Церковь. Огромный авторитет митрополита Андрея Шептицкого среди населения Галиции и его недвусмысленно обозначенная лояльность по отношению к новой власти позволяли надеяться, что греко-католическая Церковь окажет существенную поддержку советскому режиму в умиротворении региона и прекращении деятельности в нем вооруженного националистического подполья. Однако просоветские настроения Шептицкого сотрудники органов госбезопасности с самого начала считали в большей степени его личной позицией, чем линией всей иерархии униатской Церкви, в лояльности которой сомневались, и не без оснований. После кончины Шептицкого советское руководство должно было решать трудный вопрос: на кого из высшего униатского духовенства следует опереться в установлении новой власти, и прежде всего в пресечении деятельности националистического подполья. О. Гавриил Костельник с его значительным авторитетом в церковных кругах, ярко выраженной лояльностью к советскому режиму и православными убеждениями к началу 1945 г. стал представляться коммунистическим властям наиболее предпочтительным партнером. Напротив, ставший лишь в ноябре 1944 г. главой униатской Церкви Иосиф Слипый, имеющий слабое влияние среди духовенства и паствы и подозреваемый в симпатиях к бандеровщине и антисоветских настроениях, выглядел с точки зрения органов госбезопасности фигурой не только бесполезной, но и вредной. То, что о. Гавриил Костельник принадлежал к женатому белому духовенству, не давало возможности произвести рокировку и поставить его во главе греко-католической Церкви вместо митрополита Слипого. Но декларируемое Костельником стремление вернуть галицких униатов к их православным истокам подсказывало советским властям такой вариант решения униатского

вопроса, как полное упразднение греко-католической Церкви на Западной Украине и ее воссоединение с Русской Православной Церковью. Он казался наиболее предпочтительным, поскольку с точки зрения советского режима решал сразу 2 проблемы: лишал националистическое подполье поддержки в лице униатской Церкви и одновременно предотвращал влияние на население Западной Украины со стороны Ватикана, чья политика в отношении СССР рассматривалась советским режимом как крайне недружелюбная. На формирование подобной позиции властей Советского Союза в униатском вопросе, безусловно, оказала большое влияние произнесенная в преддверии 1945 г. Рождественская речь папы Римского Пия XII, которая была воспринята Сталиным как откровенно антисоветская: понтифик солидаризировался с западными демократиями и резко осуждал тоталитарные режимы.

До визита униатской делегации в Москву в документах органов госбезопасности не встречается указаний на необходимость упразднения униатской Церкви. Но спустя месяц после возвращения униатских представителей из Москвы во Львов, 3 февраля 1945 г., нарком госбезопасности Украины Савченко утвердил секретный план оперативных мероприятий в отношении греко-католической Церкви, который предусматривал ее полную ликвидацию. В директиве Савченко отмечалось: «В условиях воссоединения украинских земель советской властью после очищения территории западных областей Украины от немецких оккупантов и их пособников — украинско-немецких и иных националистических формирований греко-католическая униатская Церковь в том виде, в каком она существует в настоящее время, является чуждой нам по влиянию, легальной резидентурой Ватикана и активно действующей украинской националистической организацией на нашей территории. Исходя из этого необходимо взять курс на полную ликвидацию униатов на нашей территории и на отрыв греко-католической Церкви от Ватикана с последующей целью воссоединения ее с православной Церковью в СССР»⁸⁸. Указанный план предполагал выявление всех греко-католических священнослужителей, настроенных на переход в лоно православной Церкви, и создание из их числа инициативной группы для проведения кампании по воссоединению с православием. План также содержал пункт следующего содержания: «Обработать видного проповедника греко-католической Церкви доктора Гавриила Костельника, поставив его во главе движения за воссоединение греко-католической Церкви с православной»⁸⁹.

Таким образом, о. Гавриил Костельник, будучи вполне искренним в своем стремлении воссоединить западноукраинских униатов с православной Церковью, стал в значительной степени заложником политического проекта, разработанного в недрах советского ведомства госбезопасности, в который также оказалась невольно вовлеченной Русская Православная Церковь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бандеровцы — члены ОУН-б, части Организации украинских националистов, которые после ее раскола последовали за Степаном Бандерой и вели непримиримую

борьбу с советским режимом. ОУН-б на Украине в период, когда Бандера был интернирован немецкими нацистами, возглавлял Р. Шухевич. Фактически ОУН-б и УПА представляли собой одно целое, в связи с чем нередко именовались ОУН—УПА.

- ² Андрей Шептицкий (граф Роман Мария Шептицкий) (1865–1944 гг.), представитель польской аристократии западнорусского происхождения, внук знаменитого польского драматурга графа А. Фредро. Перешел из католичества в униатство; в молодости оставил военную службу в австро-венгерской армии и вступил в монашеский Базилианский орден; с 1892 г. священник греко-католической Церкви; с 1899 г. униатский епископ Станиславский; в 1900–1944 гг. митрополит Львовский и Галицкий, глава греко-католической Церкви в Галиции.
- ³ Государственный архив Службы безопасности Украины (далее — ГАСБУ), ф. 65, д. С–9113, т. 19, л. 25–33.
- ⁴ Митрополит Шептицкий успешно сотрудничал с властями Австро-Венгрии, одинаково приветствовал как вступление русских войск в Галицию в годы Первой мировой войны, так и германских оккупантов в годы Второй мировой войны. Об этом подробнее см.: *Петрушко В. И.* К предполагаемой беатификации униатского митрополита Андрея Шептицкого // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы, 1999. М., 1999. С. 374–380; *его же.* Из истории Украинской греко-католической Церкви в годы Великой Отечественной войны // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы, 2003. М., 2003. С. 312–316.
- ⁵ ГАСБУ, ф. 65, д. С–9113, т. 19, л. 105–125.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же, л. 51–68.
- ¹² Там же, л. 89–95. [Перевод с украинского языка мой. — В. П.]
- ¹³ Там же, л. 75–76.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Гавриил Костельник (1886–1948 гг.), из семьи галицких русинов, проживавших на территории Югославии; доктор философии, с 1913 г. священник греко-католической Церкви; профессор Львовской Духовной академии, откуда уволен в 1930 г. за симпатии к православию. В 1945 г. перешел в Русскую Православную Церковь; протопресвитер, настоятель Преображенской церкви во Львове. Убит бандеровцем В. Панькивым.
- ¹⁶ ГАСБУ, ф. 65, д. С–9113, т. 19, л. 223–236.
- ¹⁷ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 60, д. 9, л. 94–95.
- ¹⁸ УПА — «Украинская повстанческая армия» (командующий Р. Шухевич, действовавший под псевдонимом «генерал Тарас Чупринка»), вела партизанскую борьбу против Красной армии на территории Западной Украины.
- ¹⁹ Мельниковцы — члены ОУН-м, части Организации украинских националистов, которые после ее раскола последовали за Андреем Мельником и составили оппозицию бандеровцам.
- ²⁰ ГАСБУ, ф. 65, д. С–9113, т. 19, л. 25–33.
- ²¹ Там же, л. 105–125.
- ²² Там же, л. 75–76.
- ²³ Там же, л. 89–95.
- ²⁴ Там же, л. 51–68.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, л. 223–236.

- ²⁷ Климентий (Казимир Мария) Шептицкий (1869–1951 гг.), с 1914 г. греко-католический монах Ордена студитов; с 1915 г. иеромонах, впоследствии игумен; с 1944 г. архимандрит Ордена студитов. В 1947 г. арестован, скончался в заключении.
- ²⁸ ГАСБУ, ф. 65, д. С–9113, т. 19, л. 183–184; 223–236.
- ²⁹ Там же, л. 190–222.
- ³⁰ Там же, л. 51–68.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, л. 190–222.
- ³³ Там же, л. 48–50.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же, ф. 1, оп. 8 (1950 г.), д. 1, л. 240–245.
- ³⁷ Там же, ф. 65, д. С–9113, т. 19, л. 83–85.
- ³⁸ Там же, л. 44–47.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же, т. 20, л. 1–6.
- ⁴² Иосиф Слипый (Коберницкий-Дичковский) (1892–1984 гг.), происходил из зажиточной украинской крестьянской семьи. С 1917 г. священник греко-католической Церкви, доктор богословия; в 1925–1939 гг. ректор греко-католической Львовской Духовной семинарии (в 1928 г. преобразована в академию); в 1939 г. Шептицкий тайно совершил епископскую хиротонию Слипого, объявил его своим коадьютором и назначил экзархом Центральной и Восточной Украины. С 1 ноября 1944 г. униатский митрополит Львовский и Галицкий; в 1945 г. арестован и в 1946 г. приговорен к 8 годам заключения, повторно осужден в 1953, 1957 и 1962 гг. В советских тюрьмах и лагерях провел в общей сложности около 18 лет. Освобожден в феврале 1963 г., после чего выехал в Рим. С 1965 г. кардинал.
- ⁴³ ГАСБУ, ф. 65, д. С–9113, т. 19, л. 2–24.
- ⁴⁴ Там же, л. 190–222.
- ⁴⁵ Там же, л. 2–24.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же, л. 190–222.
- ⁴⁸ Там же, л. 183–184.
- ⁴⁹ Там же, л. 223–236.
- ⁵⁰ Там же, л. 247–257.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же, л. 2–24.
- ⁵⁶ Там же, л. 223–236.
- ⁵⁷ Сын Костельника Богдан был расстрелян по распоряжению начальника Львовского областного управления НКВД 25 июня 1941 г., однако этот факт сотрудники органов безопасности в 1944–1945 гг. предусмотрительно скрывали от о. Гавриила и даже имитировали поиски Б. Костельника среди пропавших без вести.
- ⁵⁸ ГАСБУ, ф. 65, д. С–9113, т. 19, л. 169.
- ⁵⁹ Там же, л. 190–222.
- ⁶⁰ Там же, л. 223–236.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же, л. 185–189.
- ⁶⁵ Там же, л. 296–301.
- ⁶⁶ Там же, л. 302.

- ⁶⁷ ГАСБУ, ф. 65, д. С-9113, т. 19, л. 296–301.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же, л. 323–331.
- ⁷² Там же, л. 316–322.
- ⁷³ Там же, л. 323–331.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ См., например: *Обрембальский И. Р.* Протопресвитер Гавриил Костельник и его деятельность по возрождению православия на Западной Украине: Курсовая работа / ПСТБИ. М., 2001. (Машинопись).
- ⁷⁷ *Боцюрків Б.* Українська Греко-Католицька Церква і Радянська держава (1939–1950). Львів, 2005. С. 75–76.
- ⁷⁸ ГАСБУ, ф. 65, д. С-9113, т. 19, л. 342–371.
- ⁷⁹ При Шептицьком титул главы униатской Церкви в Галиции включал в себя следующие пункты: «Архиепископ Львовский и Каменец-Подольский, митрополит Галицкий».
- ⁸⁰ ГАСБУ, ф. 65, д. С-9113, т. 19, л. 342–371.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же, т. 20, л. 11–20.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же, л. 1–6.
- ⁸⁹ Там же.